

Пельмени по десять юаней за миску... Пэй Чанлин даже не пожалел денег, и они заказали по одной миске каждому.

Конечно, ожидать, что в начинке на рынке будет много мяса, не стоило, но суп был на удивление наваристым.

Маленькие пельмени плавали в горячем бульоне, который варили на костях всю ночь, — один глоток, и рот наполнялся мясным соком.

У Хэ Чжэньшу тут же разыгрался аппетит. Все его путанные мысли моментально вылетели из головы — он даже говорить перестал, с головой погрузившись в еду.

Хотя внешне он будто бы только недавно попал в это место, но на самом деле он приходил сюда уже много жизней подряд — если сложить всё время, набирался почти год.

И за все это время мясо он ел лишь пару раз, пересчитать можно было по пальцам одной руки.

Кто ж такое выдержит?

Хэ Чжэньшу, обжигаясь и торопливо дую на ложку, быстро управился с половиной миски. Поднял голову, и увидел что Пэй Чанлин к еде даже не притронулся.

«Чего ты на меня смотришь? Почему не ешь?» - спросил Хэ Чжэньшу.

Пэй Чанлин отвёл взгляд, ничего не ответил.

Он попросил у хозяина лавки маленькую миску, аккуратно переложил туда несколько пельменей с половиной бульона и подвинул оставшееся Хэ Чжэньшу.

«Съешь и это» — сказал он после короткой паузы. «Я утром уже ел, не голоден».

«Ооо» - только и ответил Хэ Чжэньшу, не особо церемонясь.

Он знал, что у больного человека аппетит всегда плохой, да и врач велел не переедать, питаться понемногу, но чаще.

Хэ Чжэньшу с удовольствием доел свою миску и половину другой. Сытый и довольный, он почувствовал, как его клонит в сон — солнце приятно пригревало.

Расплатившись за еду деньгами, вырученными за продажу трав, он уже собирался убрать оставшиеся монеты обратно в корзину, когда Пэй Чанлин вдруг сказал:

«Не клади обратно».

Хэ Чжэньшу удивился: « А?»

«Эти деньги оставь себе» - спокойно произнёс Пэй Чанлин.

Эти две с лишним лян серебра были нанизаны на верёвки — получилось три связки монет.

Две из них были полными, по одной цян каждая, то есть по тысяче монет, аккуратно уложенными в корзину.

Оставшиеся пятьсот двадцать юаней тоже были собраны на верёвочку. После того как они потратили двадцать юаней на пельмени, осталось ровно пятьсот.

И все эти деньги сейчас были у Хэ Чжэньшу.

Он посмотрел на медяки в руке, потом поднял глаза на Пэй Чанлина — всё ещё не понимая.

Тот ничего не объяснил.

Пэй Чанлин достал из-за пазухи небольшой мешочек, сложил туда все монеты, что держал Хэ Чжэньшу, затянул тесёмку и снова протянул ему:

«Спрячь у себя. Когда вернёмся, найди место потайнее и никому не говори».

В семье Пэев существовало негласное правило: кто бы ни заработал деньги и сколько бы ни заработал — всё считалось общим, и по возвращении домой всё нужно было отдать Пэй Ланьчжи, которая ведала хозяйством.

Молодая «жена», прожившая в доме всего несколько дней, конечно, не могла оставить деньги себе.

Но, судя по словам Пэй Чанлина...

«Сестре я придумаю что сказать» - спокойно сказал он. «Главное, чтобы ты не проговорился. Она тогда не узнает, сколько мы выручили. Ты ведь всё равно собираешься уйти отсюда, верно? Тебе ещё много где придётся тратить деньги. Лучше, если у тебя будет хоть немного припрятано».

«Когда я умру...» - он отвернулся и тихо покашлял, не договорив.

Хэ Чжэньшу сжал мешочек с медяками и наконец понял, зачем тот сегодня настоял пойти с ним в город.

Оказалось, всё ради того, чтобы научить его прятать заначку.

В день свадьбы Пэй Чанлин обещал, что после смерти оставит ему немного денег. И теперь Хэ Чжэньшу уже точно знал: у него действительно был свой маленький тайный запас — те деньги, что он зарабатывал, тайком вырезая деревянные фигурки и поделки и передавая их на продажу в город.

Каждую жизнь, перед смертью, Пэй Чанлин отдавал ему эту заначку, чтобы он мог уйти отсюда.

Вот только уйти у него ни разу не получалось.

Договорив всё до конца, Пэй Чанлин поднялся, собираясь выйти.

Наверное, из-за того, что сегодня он был вне дома слишком долго, его силы оказались на исходе — едва он встал, как сразу закашлялся.

Хэ Чжэньшу подбежал подхватить его.

«Кх-кх... Ничего» - Пэй Чанлин мягко отстранил его и покачал головой. «Поедем домой».

Он медленно зашагал вперёд. Хэ Чжэньшу смотрел ему вслед и не мог понять, что именно чувствует в этот момент.

Этот больной юноша, ни на что толком не был способен, но вот испортить настроение — это у него получается прекрасно.

Противен до невозможности.

...

На обратном пути Пэй Чанлин не произнёс ни слова, просто сидел, прислонившись к оконной раме, и с закрытыми глазами дремал.

В телеге было тесно, и Хэ Чжэньшу, съёжившись на другом конце скамьи, молча смотрел на него.

Он сдерживался, сдерживался, но в конце концов не выдержал и резко сказал:

«Пэй Чанлин».

Тот не открыл глаз, только тихо спросил:

«Что такое?»

«Нам нужно поговорить» - Хэ Чжэньшу выпрямился, выражение его лица стало серьёзным.
«Так больше нельзя».

Пэй Чанлин, должно быть, чувствовал себя нехорошо, его брови были плотно сжаты, дыхание тяжёлым.

«А что со мной не так?» - спросил он слабо.

«Ты...» - Хэ Чжэньшу, увидев, как тот выглядит, сразу смягчился, и голос его стал мягче:

«Ты не можешь всё время говорить, будто вот-вот умрёшь. Все ведь стараются тебе помочь. Разве не из-за этого твой отец, старик Пэй, отправился в уезд — чтобы найти для тебя хорошего лекаря?»

Ведь именно поэтому Пэй-плотник случайно узнал, что семья Хэ собирается выдать младшего сына замуж, а потом каким-то образом достал восьмизначную дату рождения Хэ Чжэньшу и, не колеблясь, сам пришёл свататься.

Пэй Чанлин не ответил.

Хэ Чжэньшу, глядя на его бледный профиль, произнёс серьёзно:

«Тебе нужно жить».

Отвары могут исцелить тело, но не излечат душевную боль. Если человек сам не хочет жить, если он только и думает, что его дни сочтены и ждёт избавления — никакое, даже самое сильное лекарство, не сможет его спасти.

«У тебя ведь наверняка есть то, что ты ещё хочешь сделать, правда?» - продолжил Хэ Чжэньшу.
«Ты же никогда не покидал это место, не видел мира за пределами деревни. Там, снаружи, так много вкусной еды, забавных вещей, чудес, которых ты даже не представляешь. Ты не хочешь хоть раз всё это увидеть? И ещё — ты же умеешь вырезать из дерева такие удивительные штуки. Наверняка смог бы создать ещё больше, ещё лучше... А если просто взять и умереть сейчас... тебе не жаль?»

Пэй Чанлин наконец открыл глаза.

Голос юноши звучал чуть быстрее обычного, брови слегка нахмурились —

в его тоне слышалось раздражение, почти злость.

И это неожиданно оживило его черты, придав лицу живость и выразительность.

Пэй Чанлин долго смотрел на него.

Потом едва заметно изогнул губы — на лице появилось насмешливое, будто бы самоироничное выражение:

«Если я не умру, тебе придётся всю жизнь быть моим супругом.

Ты согласен на это?»

Хэ Чжэньшу знал Пэй Чанлина уже давно, и за всё это время мог пересчитать на пальцах, сколько раз видел, как тот улыбался.

Поэтому, когда на лице Пэя мелькнула эта улыбка — всё произошло так внезапно, что она ослепила его, сбила с толку. Он поспешно отвёл взгляд, пробормотав:

«Я... я не это хотел сказать».

Странное чувство.

Он ведь столько времени провёл рядом с этим человеком, часто приходилось изображать перед другими любящую пару, и даже самые близкие жесты никогда не вызвали у него смущения.

А теперь, из-за одной единственной фразы, лицо вспыхнуло жаром, будто в огне, и Хэ Чжэньшу хотелось провалиться сквозь землю.

«Лег... легкомысленный!» - резко сказал Хэ Чжэньшу.

Наверное, потому что с детства он рос в семье, где ценили книги и учёность, даже рассердившись, он не мог вымолвить ни одного грубого слова. Вместо этого произносил такие изысканные, книжные выражения, что иной раз и не поймёшь, что именно он хотел сказать.

Если бы это был кто-то другой, Пэй Чанлин наверняка бы не стал связываться с таким человеком. Но этот юноша...

Был удивительно забавным.

А когда сердился — невероятно красивым.

Так и тянуло поддразнить, посмотреть, какие ещё живые, яркие выражения он способен показать.

Улыбка на губах Пэй Чанлина сама собой стала чуть глубже, но длилась всего миг.

Он тут же отвёл взгляд и снова стал таким же холодным и безразличным, как обычно:

«Не будем об этом» - тихо произнёс он. «Старшая сестра сказала, если бы ты вчера не предложил спуститься в долину, она бы не нашла те травы. Это твоя заслуга, и деньги по праву принадлежат тебе. Что делать с ними — решай сам. Мы ведь договорились, что не будем мешать друг другу. Я не стану вмешиваться».

Сказав это, он снова закрыл глаза, делая вид, что отдыхает.

Очевидно, разговор окончен.

Хэ Чжэньшу тоже не захотел больше с ним говорить.

С досадой отвернулся и уставился в окно, глядя на мелькающие за занавеской поля и дорогу.

В телеге повисло тяжёлое молчание, зато за окном светило яркое солнце.

Полуденные лучи были жаркими и ослепительными, разливались по бескрайним полям и деревьям, окрашивая всё вокруг в мягкое, тёплое сияние.

Картина была такая мирная и спокойная, что даже напряжённое сердце поневоле начинало расслабляться.

Они оба молчали.

Хэ Чжэньшу вскоре задремал под размеренное покачивание телеги, пока его не разбудили громкие крики снаружи.

«Эти травы стоят только столько! Не хочешь — ищи себе другого покупателя!»

Голос показался ему смутно знакомым.

Он распахнул глаза, приподнял занавеску и выглянул наружу.

Телега двигалась по главной дороге, которая проходила мимо нескольких деревень.

Сейчас они как раз проезжали одну из них. У самого въезда в деревню спорили двое мужчин.

Одного из них Хэ Чжэньшу сразу узнал — тот самый торговец травами, с которым они утром сцепились.

Напротив стоял крестьянин, судя по виду, уже немолодой, лет за пятьдесят, с хриловатым, усталым голосом.

«Эти травы я собирал три дня!» - горячо возмутился он. «Я узнавал: раньше всегда давали по три медяка за лян, пятьдесят за цзинь! А ты теперь хочешь взять по одной монете за три ляна? Не выйдет! Не обманешь меня!»

«Так то раньше» - лениво отмахнулся торговец.

Он вскочил на повозку и махнул рукой:

«Тогда был один рынок, а теперь другой. Это барахло уже не в цене, понял? Лучше собирай что-нибудь другое».

С этими словами он потянулся за вожжами, но крестьянин схватил их обеими руками:

«Нет! Нельзя!» - упрямо сказал он. «Я должен продать эти травы — от них зависит, сможет ли мой сын оплатить учёбу! Ты не можешь уехать!»

«Ты же сам сказал, что не продашь, - раздражённо рявкнул торговец, - отпусти!»

«Я...» - растерянно пробормотал старик, не зная, что делать.

Пока двое мужчин продолжали спорить, повозка, в которой ехали Хэ Чжэньшу и Пэй Чанлин, как раз подъехала поближе.

Хэ Чжэньшу бросил взгляд на две корзины у ног крестьянина, и сразу узнал, что в них лежит.

Это был знакомый ему лекарственный корень — саньцзютэн, получивший своё название из-за треугольной формы листьев. Он обычно растёт среди лугов и кустарников.

Это растение обладает мочегонным и противоотёчным действием, часто используется при лечении влажно-жаркой дизентерии, и, вообще говоря, довольно распространено в этих краях.

Но именно из-за своей распространённости стоит оно дёшево.

К тому же для лучшего лечебного эффекта саньцзяотэн нужно тщательно высушить и перемолоть в порошок, а значит, торговцу придётся ещё потрудиться.

Неудивительно, что тот не хотел брать траву — ему это попросту невыгодно.

Поэтому в деревне Сяхэ её уже почти никто не собирает.

Вероятно, старик не знал этих тонкостей и по-простоте нарвал сразу две полные корзины.

Теперь же, когда ему срочно нужны были деньги, торговец воспользовался случаем и сбил цену.

Если же не продать ему, то всё собранное просто пропадёт.

Что ни говори, торговля — дело хитрое, но этот торговец и впрямь перегнул палку.

Хэ Чжэньшу немного подумал и обернулся к Пэй Чанлину:

«Ты ведь сказал, что я могу распорядиться этими пятьюстами юаней как захочу, верно?»

Пэй Чанлин, разумеется, тоже слышал спор снаружи.

Он открыл глаза, немного нахмурился:

«Что ты собираешься делать?»

Хэ Чжэньшу не ответил.

Телега всё ещё медленно катилась вперёд. Он велел кучеру остановиться, снова откинул занавеску и высунулся наружу.

«Дядь, - крикнул он, - не продавайте эти травы этому человеку!»

Повозка остановилась совсем рядом с ними. Хэ Чжэньшу, облокотившись на окно, улыбнулся и сказал:

«Я возьму их все. По первоначальной цене».

<http://bllate.org/book/14476/1280769>